

ВАСИЛЬКИ ОТ ВАСИ

Я — снова в Горном Алтае, в дорогой моему сердцу Майме, где выросла и закончила школу. Как и всякий раз, приезжая сюда, захожу в гости к своей учительнице, Марии Ивановне Шумской**, с которой мы дружны много-много лет, еще со школьной поры. Она была первой, сrostинской, женой Василия Макаровича Шукшина, известного русского кинорежиссера, актера, писателя и драматурга. В родных для них обоих Сростках они и познакомились в юности; дружили, гуляли по Чуйскому тракту, у горы Пикет и по деревенским улочкам, купались в протоках Катуня, бегали на танцы и посиделки, играли в карты у кого-нибудь на дому, пели песни. Здесь и возникло между ними это большое чувство — ярко вспыхнула любовь, преобразившая их жизнь. Здесь и

* Рассказы из подготовленной к печати авторской трилогии повестей, рассказов, эссе, очерков и стихов, объединённых серией «Моя малая родина — Горный Алтай».

** Мария Ивановна Шумская была у нас учительницей немецкого языка в Майминской общеобразовательной средней школе № 1, именуемой «Белой школой», поскольку выкрашена она в белый цвет. Учила нас, а в пятом классе Мария Ивановна была нашим классным руководителем. В доме Марии Ивановны я любила бывать с детства и до сих пор поддерживаю с нею отношения. Она по-прежнему живёт в огромном райцентре Майма (Республика Алтай), где выросла, окончила школу и я, и где бываю ежегодно вот уже на протяжении сорока лет.

поженились. Наверное, правду говорят в народе, что первая любовь, приводящая к браку, редко бывает в нем долгой, на всю жизнь счастливой, зато яркой, эмоциональной, оставляющей след в сердце на всю последующую жизнь, как бы по-разному для двоих она ни сложилась. Так и случилось с Марией Ивановной и Василием Макаровичем.

...Сидим с ней, пьем чай. Говорим о том, о сем, смотрим старый фотоальбом с фотографиями хозяйки. Я стараюсь вывести Марию Ивановну на воспоминания о Шукшине. «Каким, по отношению к вам, он,— спрашиваю,— запомнился больше всего, ярче запечатлелся в вашей памяти?»

— Он был очень внимателен ко мне, предупредителен даже,— тут же отозвалась Мария Ивановна, просяив лицом. Помню такой случай. . .

Шли мы как-то летом с ним горой Пикетом. Тогда мы все больше ходили по горе, потому что по грунтовой дороге ходить было очень пыльно и жарко. Пыль коромыслом поднималась, особенно, если пройдет машина, все глаза и рот забьет. По Чуйскому тракту тоже было идти жарко, да и машины там ходили туда-сюда — небезопасно. А горой идти любодорого: ветерок прохладный, зелень под ногами, птички поют, пчелки, шмели, бабочки летают. Кругом — цветы. Сама ведь знаешь, сколько на Горном Алтае разных цветов на горе и в лугах. А я вообще очень люблю луговые и полевые цветы, особенно колокольчики, васильки. Ну вот, идем мы с Васей горой до Сросток, жарко, солнце печет, а кругом цветов разных — море! Особенно васильки меня привлекают,— наклоняюсь, нюхаю их, не заметила даже, что Вася за мной наблюдает. Сорвала один василек, а он видит, что я сорвала василек, быстренько так набрал их целый букет и мне преподнес: «Это тебе, говорит,— милая моя Машенька, раньше-то я тебе букетов не дарил», А он и вправду не дарил мне до этого цветов, как-то тогда это среди сельских парней не принято было. Я удивилась и обрадовалась, прижала Васин букет к груди: «Спасибо!»,— говорю, — а у самой сердце сильно так бьется, выскочить хочет от радости, восторга, благодарности и любви к нему.

Пришли мы в Сростки, подходим к Васиному дому; дом, вижу, на замке. Вася пошел открывать дом. Когда вошли в ограду их дома, я остановилась поговорить с Ольгой Неверовой. Она по соседству с Шукшиными жила, дружили они семьями. Добрая, простая такая женщина, я ее любила. Она меня — тоже. Ну, поговорили мы с ней, вхожу я к Васе в дом, и до меня доносится романс «Колокольчики мои, цветики степные, что глядите на меня темно-голубые?...» в исполнении Бориса Утесова. У Шукшиных был патефон с пластинками, что в то время, в пятидесятых годах, редкостью было. Далекое не в каждой семье патефон имелся. Оказывается, Вася специально для меня его завел и поставил пластинку с

романсом «Колокольчики мои». Я обрадовалась так и удивилась. Весь день он тогда меня радовал и удивлял заботой своей и внимательностью, неожиданными сюрпризами. Едва я переступила порог дома, Вася подхватил меня и давай кружить по избе и подпевать Утесову. В то время он еще танцевать хорошо не умел, а пел хорошо. Они с его мамой Марией Сергеевной на два голоса замечательно пели старинные песни. Он все их знал и любил. «Отец мой был природный пахарь», «Ах, ты, степь, широкая...» особо любимыми его песнями были. Они часто эти песни пели вдвоем с мамой, сидя на лавочке перед домом. Позднее он и танцевать хорошо научился, даже чечетку здорово бить. На все руки был мастер, за что ни возьмется — всего добьется, все у него хорошо получается. Так и в творчестве: и в кино, и в режиссуре, и в актерстве, и в писательском труде. Он ничего не делал наполовину, спустя рукава. И жил, и любил также — без оглядки, на полную катушку. И сгорел! Жаль, как жаль, что сгорел так рано, дочек маленькими оставил. Многого смог бы еще сделать и в жизни, и в творчестве.

— Вы любили его?

— Почему — любила?! Я и сейчас его люблю, всю жизнь люблю. И он меня любил, но так получилось, что разошлись, но он живет во мне. И пока жива я, будет жить в моем сердце...

ОЛЕНЕНОК

...Так уж у нас в семье заведено было: всегда полно детворы в нашем доме: мои подруги и друзья старшего брата Володи. Мама их всех привечала: кормила своей искусной выпечкой, поила парным молоком, сепарированными сливками, прохладными пахтой и чегенем (кисломолочный продукт, сделанный на специальной закваске из алтайского сырчика. Традиционный напиток алтайцев), брала вместе с нами и на реку купаться, и на гору за цветами и ягодами.

... Однажды сидим на берегу, накупавшись, играем вместе с мамой в камешки: чей быстрее высохнет на солнышке. Неожиданно за спиной раздается голос отца, вернувшегося из длительной командировки:

— А, вот где я вас разыскал!.. Так и знал, что вы — на реке...

Мы, обрадованные, вскакиваем. Отец — землеустроитель, топограф, работал в Алтайской геологоразведочной экспедиции, часто и надолго уезжал вместе с геологоразведочной партией; весной, летом и осенью дома бывал мало. Заядлый охотник и рыбак, он любил тайгу, горы, озера и реки и дома никогда не сидел. Он прекрасно знал обычаи, поверья и даже суеверия, связанные с горами и тайгой, повадки диких зверей; охотился и на медведей, но ко всему относился с

великой любовью и заботой, никогда не нарушал охотничьих обычаев. Алтайцы их свято соблюдают, иначе, верят, удача отвернется. Закон гор и тайги нельзя переступать, нельзя его нарушать.

А выйдя на пенсию, отец большую часть своего времени проводил в тайге и в горах, на белках*, в альпийских лугах. Став постарше, я называла папу: «Дерсу Узала» — именем «лесного человека» — таежного охотника Уссурийского края, всю жизнь прожившего в тайге, под открытым небом, проводника в экспедициях и героя документальных романов исследователя Приамурья и Приморского края В.К. Арсеньева «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала», которые я прочитала в то время. У Дерсу с моим отцом много общего в отношении к миру, людям, природе, животным, традициям и обычаям. Отец в Горном Алтае так же, как Дерсу в Уссурийском крае, хорошо знал тайгу, все горные речки и родники, горы, вершины, ущелья и перевалы. Да и внешне они похожи (отец — алтаец по национальности); к тому же в молодости служил в армии на Дальнем Востоке, а потом некоторое время жил там и всегда говорил о том крае с теплотой, желал там вновь побывать. И свое заветное желание исполнил-таки: в семидесятилетнем возрасте побывал там, в гостях у сына Володи — военного летчика, служившего на Дальнем Востоке и жившего с семьей в Уссурийске.

На обратном пути папа «завернул» за тысячи километров ко мне, в Тулу, пожил немного в городской квартире, понянчился с внуками и сказал точь-в-точь, как Дерсу Узала: «Не могу больше: в квартире, как в ящике, на волю мне надо, в тайгу, в горы...»

...Отец интригующе говорит нам: «Угадajte-ка, что я вам привез?»

— Орехи!... Цветы!... Эдельвейс! — папа уже привозил однажды этот редкий, таинственный цветок и говорил нам о том, что встретить его — большая удача, потому что растет он высоко в горах и добраться до него совсем не просто, да и попадается он не часто. Дарят его на счастье. Эдельвейс привлекает удачу.

— Белку! — соображаю я, потому что живая белка тоже была привезена однажды папой и жила у нас. Нет, не угадала, доча, — олененка! — сказал он.

Да, это был настоящий, живой, дикий, маленький олененок, худенький, светло-коричневый, в белых пятнышках, с коротеньким хвостиком. У него была, по-видимому, сломана нога. Отец в тайге успел ее подлечить, но она была туго перевязана бинтом, а под бинтом — дощечки, о которых папа сказал: «Я ему шину наложил на ногу». Папа вообще был

* «Белки» — диалектное название вершин гор, покрытых снегом.

большой мастер лечить животных. Помню, как обморозившему лапки петуху он сделал из кожи и проволоки протезы, и петух жил, даже землю разгребал этими лапками. Соседки смотреть приходили на такое диво. Сделал он протез из деревяшки, обтянув ее кожей, и нашему коту, попавшему зимой передней лапой в капкан для крыс. Лапа у кота распухла, долго болела, а потом усохла, стала намного короче другой, поэтому он прыгал на трех лапах, а с протезом ходил на всех четырех лапках. В лютые сибирские холода, когда термометр показывал минус пятьдесят градусов, отец сшил из старой маминой пуховой шали для нашей коровы Римки «бюстгальтер» на вымя, чтобы она не обморозила соски. А для маленьких щенят от нашей собаки Куклы — помеси лайки и дворняжки, но очень умной, проводившей все лето с папой в тайге, он шил на лапки теплые «унтики» из кожи и меха.

Итак, об олененке. Мы назвали его Малыш. Место ему отгородили в сарае, рядом с коровой. Отпаивали коровьим молоком, он перестал хромать, совсем привык к нам. Мягкими, нежными губами брал из наших ладошек кусочки хлеба и сахара. Мы с братом гладили его по теплым бокам и даже прижимались к нему лицом — очень полюбили нашего Малыша с большими черными грустными влажными глазами. Мама повязала ему на шею красную ленточку, чтобы кто-нибудь ненароком за дикого не принял и не пристрелил. Он прожил у нас все лето, вырос. Когда с огородов убрали картофель и овощи, мама выпустила его туда лакомиться оставшимися листьями подсолнухов, капусты и кукурузы. Глядя на олененка, мой брат Володя сказал однажды: — Смотрите, у Малыша хвостик побелел, значит, скоро — зима.

Но до зимы наш Малыш не дожил. Как-то у соседей Распоповых вырвалась из вольера огромная охотничья собака и задавила нашего любимца прямо у ворот, ведущих из огорода во двор. Долго мы оплакивали и не могли забыть нашего Малыша, да и до сих пор у меня особое, щемящее какое-то чувство к диким животным, особенно к оленям.